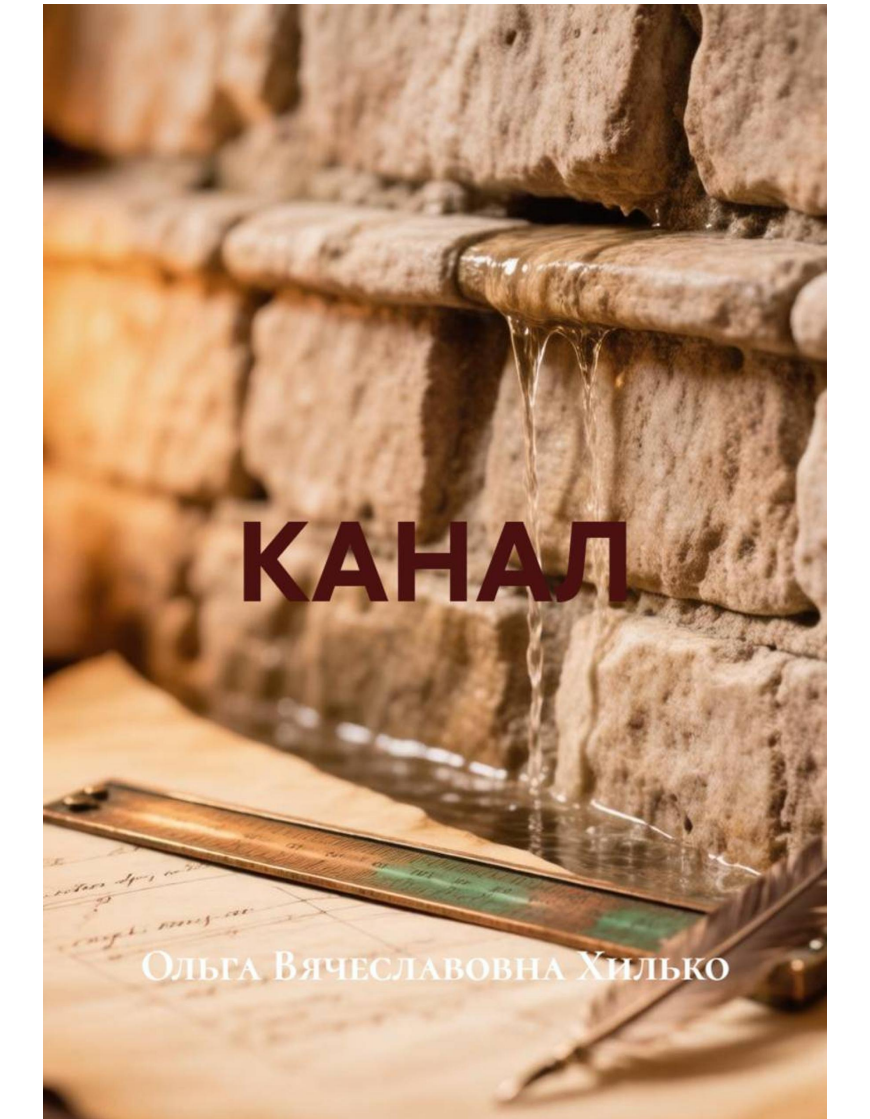

The background image is a close-up of a rustic stone wall. A horizontal wooden pipe is embedded in the wall, and a small amount of water is dripping from its end. In the foreground, a wooden ruler with a green section lies on a piece of aged, yellowed paper. The paper has some faint, handwritten text in cursive. A quill pen is also visible in the lower right corner, resting on the paper. The overall lighting is warm and golden, creating a sense of history and mystery.

КАНАЛ

Ольга Вячеславовна Хилько

Ольга Хилько

КАНАЛ

<https://litres.ru/74461979>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Канал — романбаллада о человеке и воде. Это история о том, как прошлое звучит не в учебниках, а в плеске у шлюза и в скрипе пера.

В центре — судьба человека, который пришёл к воде почти чужим, а стал её голосом. Его путь — от плена до чертежей, от молчания до точных расчётов. Рядом — Пётр I и великая стройка, где каждое число имело цену.

Для тех, кто любит, когда история дышит и звучит как живая мелодия.»

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Вячеславовна Хилько КАНАЛ

Глава 1

Аил у Селенги

Селенга несла свои воды так, как несла их сотни лет, — не торопясь, уверенная в себе, широкая и мутноватая от песка, который река тащила с гор. По правому берегу, где степь спускалась к воде полого, стояли четыре юрты. Три — поближе к реке, одна — чуть поодаль, на пригорке, так что от её дверей открывался вид на всю долину.

Это был аил — небольшое кочевье из четырёх семей. Десять человек, тридцать восемь лошадей, два десятка коров, верблюды-производители по кличке Баян и пять коз, которых держали ради молока, потому что козье молоко, как считала старая Сарнай, лучше всего помогало от кашля.

Юрты стояли дверями на юг — так положено. Внутри каждой — знакомый с детства порядок: мужская половина на западе, женская на востоке, очаг в центре под круглым отверстием в крыше, откуда уходил дым и куда, если смотреть вверх, видно было небо. Днём по этому кругу света юрты

можно было узнать время: когда солнечный столб доставал до очага — полдень, когда уходил к стене — вечер.

Семья первая: Имэгэн-Силиген

Самая ближняя к реке юрта — бурого войлока, неширокая, но крепкая — принадлежала Имэгэн-Силигену. Он был мастеровым человеком: делал луки, стрелы, сёдла. Не самый богатый в аиле, зато самый умелый руками. Его луки знали даже в соседних кочевьях — не настолько далеко, чтобы хвастаться, но достаточно, чтобы менять их на коней, когда нужно. Раз в год Имэгэн ездил на юг, к китайской границе, продавать лошадей и возвращался с чаем, шёлком и новостями, которые рассказывал негромко, словно делился припасом.

Имэгэн был человек молчаливый и ровный. Никто не помнил, чтобы он кричал на жену или поднимал руку на детей. Когда злился — замолкал ещё больше, уходил к реке и сидел на берегу, вырезая из дерева фигурки: лошадок, птиц, баранов. Эти фигурки потом разбрасывались по юрте, и дети играли ими.

Его жена, Дэлбээ, была полной противоположностью: маленькая, быстрая, с голосом, который слышен был через три юрты. Она же держала всё хозяйство — доила коз, сбивала масло, сушила арул (сухой творог, который хранился месяцами и не портился в дороге), варила чай с молоком и солью, который в аиле пили от рассвета до темноты. Дэлбээ знала, у какой коровы телёнок слабый, у какой кобылы молоко гор-

чит, и могла по запаху определить, что аргал достаточно сухой для очага или ещё сырой.

У них было двое сыновей.

Старший — Бароно. Двенадцать лет, худой, жилистый, с такими тёмными глазами, что в полутьме юрты казались чёрными. Он был наблюдательный до странности: замечал то, мимо чего взрослые проходили, не задумываясь. Однажды, когда ему было семь, он сказал отцу: «Вода в Селенге сегодня течёт по-другому — гуще». Имэгэн посмотрел на реку, потом на сына, и ничего не сказал. Но с того дня стал приучать Бароно к работе с луком и сёдлами — не как к ремеслу, а как к разговору: «Чувствуешь, как дерево пружинит? Так и вода — у неё тоже есть упругость. Только дерево держит, а вода — нет».

Младший — Наран. Пять лет, круглолицый, шумный, вечно бегал между юртами, и все его кормили, потому что в аиле чужих детей не бывает. Наран ещё не понимал, что мир может быть большим и страшным. Для него мир был: юрта, река, кони, мать, брат.

Семья вторая: Батбаяр

Следующая юрта — побольше, с белым войлоком, значит, зажиточная — стояла в тридцати шагах. В ней жил Батбаяр, коневод, и его семья.

Батбаяр был широкоплечий, черноволосый, с глубоким шрамом на левой щеке — след от стрелы, которую он получил лет десять назад в стычке с казаками у Селенгинского

острога. Шрам этот он носил, как носят украшение: не скрывал, не стеснялся, а если кто спрашивал — усмехался и говорил: «Русский стрелять умеет, а попадать — не очень». Впрочем, в последние годы стычки стали чаще, и усмешка Батбаяра делалась всё короче.

У него было тридцать лошадей — больше, чем у кого-либо в аиле. Он знал каждую по масти, по нраву, по запаху. Мог сказать, что кобыла Борталин тяжелеет на левую заднюю ногу, когда на пастбище мокро, и что жеребец Арслан начинает скакать резвее, если ему добавить в корм сушёный лук. Это не было книжным знанием — это было знание, которое передаётся от отца к сыну, от руки к руке, без слов, через ежедневную работу.

Его жена, Оюуна, была худая, тихая, с тонкими пальцами, которые пахли полынью. Она знала травы — не как шаман, не как лекарь-оточи, а как женщина, которой мать передала, а той — её мать, и так до той, что первая пришла к Селенге. Оюуна собирала травы на склонах: полынь от боли в животе, можжевельник от кашля, корень солодки от ран. Когда у Бароно в шесть лет болело ухо так, что он плакал всю ночь, Оюуна пришла, капнула тёплый раствор из травы в ухо, и боль ушла. Она не говорила заклинаний — просто знала, какая трава от чего помогает, и когда знала — молчала, а когда не знала — тоже молчала, но по-другому.

У Батбаяра и Оюуны было двое детей.

Дочь — Альтангэрэл. Одиннадцать лет, русоволосая —

редкость среди монголов, и Батбаяр говорил, что это от бабки, которая была из западных родов. Альтангэрэл была дерзкая, быстроногая, лучше всех в аиле скакала на лошади — даже лучше Бароно, хотя Бароно никогда бы в этом не признался. Она говорила то, что думала, без обиняков, и матери это не нравилось, а отцу — нравилось. «Девочка, которая говорит прямо, в степи проживёт дольше, чем девочка, которая молчит», — говорил Батбаяр, и Оюуна поджимала губы, но не спорила.

Сын — Зориг. Восемь лет, коренастый, упрямый, весь в отца. Он уже тогда брал лук, который ему был по плечо, и уходил за юрту «стрелять по сусликам». Сусликов он, конечно, не добывал, но возвращался довольный и важный, как маленький хан.

Семья третья: Отгонбаатар

Юрта на пригорке — самая старая, войлок на ней латаный, но стояла она так, что казалась крепче всех остальных. В ней жил Отгонбаатар, которого в аиле звали просто «Дед».

Ему было, по разным подсчётам, около семидесяти, но никто не знал точно, потому что в степи дни считают не по годам, а по зимам, а зимы Отгонбаатар считал по тому, сколько коней потерял в каждую. Зим было много, коней — тоже. Дед пережил двух жён, трёх сыновей и одну дочь. Все умерли — от болезней, от стычек, от зимы, которая пришла слишком рано. Осталась только невестка — Сарнай, старая женщина с морщинами, глубокими, как овраги по берегам

Селенги. Она жила с Дедом, готовила, следила за очагом и рассказывала детям истории, от которых у Наран глаза делались круглыми, а у Бароно — внимательными.

Отгонбаатар был главой аила. Не потому, что его выбрали — аильских старейшин не выбирают, как не выбирают гору, на которую смотришь. Просто он был самый старый, самый опытный и самый спокойный. Когда в аиле возникал спор — кому пасти коней сегодня, как делить приплод, куда перекочевать на зиму, — все шли к Деду. Он слушал молча, иногда долго, иногда очень долго, а потом говорил одно-два слова. И спор кончался. Не потому что слова были мудрые — а потому что спорить дальше было нельзя, если Дед сказал.

Отгонбаатар решал вопросы с другими аилами — посылал гонцов, когда нужно было договориться о пастбищах. Он же принимал хошунного дзасака, когда тот приезжал собирать дань для маньчжурского богдыхана. В аиле знали: «девять белых» — восемь белых лошадей и один белый верблюд — отсылают богдыхану раз в год. Это была повинность, и Батбаяр ворчал: «Мои кони — и маньчжуру», но платил, потому что не платить было нельзя. Не платить означало, что придут цинские войска и заберут не десять, а всех.

Были и другие повинности: каждый десяток семей обязан был выставить одного воина — с конём, с оружием, с провизией. В аиле насчитывалось четыре семьи — меньше десятка, но дзасак всё равно требовал. Отгонбаатар торговался, и иногда ему удавалось откупиться лишней лошадыю вместо

человека. Это считалось удачей.

Семья четвёртая: Ганболд

Четвёртая юрта стояла чуть в стороне, и в ней жил Ганболд — молодой вдовец лет тридцати, с сыном-младенцем на руках. Жена умерла родами, и Ганболд вырастил мальчика сам. Ребёнок был тихий, мало плакал, и айльские женщины по очереди приходили покормить его, пока не подрос. Ганболд был пастух — нанимался к Батбаяру, помогал пасти копей, чинил ограды, колол аргал. В айле его ценили за надёжность: он не говорил лишнего и делал больше, чем обещал. С ним не дружили близко, но доверяли — а в степи доверие важнее дружбы.

Лечение

Если кто-то болел, в айле поступали так.

Сначала звали Оюуну. Она приходила с мешочком трав, осматривала больного — не как врач, а как человек, который видит, что с телом не так. Кладла руку на лоб, на живот, на грудь. Если знала траву — заваривала, капала, прикладывала. Полынь, можжевельник, солодка — это её три столпа. Она же умела править вывихи: брала за руку, дёргала — и сустав вставал на место. Знала, что медвежий жир от кашля помогает лучше, чем чай, но медвежьего жира в айле не было, и Оюуна заменяла его бараньим.

Если травы не помогали, звали шамана. Шаман жил в соседнем кочевье, в полудне пути, и приходил, если его звали. Он входил в юрту, брал бубен, начинал камлание — бил в

бубен, пел, трясся, говорил голосами, которые не были его. Дед Отгонбаатар относился к шаману уважительно, но без трепета. «Шаман разговаривает с духами, — говорил он, — но духи не всегда говорят правду. Слушай шамана, но решение принимай сам».

Скот лечили проще: если лошадь хромала — смотрели копыто, чистили, привязывали; если корова не ела — поили тёплой водой с солью; если ягнёнок слабел — растирали руками, укутывали в старый дээл и клали у очага. Ветеринара не было — но в аиле не было и слова «ветеринар». Были люди, которые знали скот, и этого было достаточно.

Музыка

Вечерами, когда работа была сделана и аргал в очаге горел ровно, Батбаяр доставал морин хуур.

Инструмент был старый — ему, наверное, лет тридцать, может, больше. Голова лошади на грифе была вырезана грубо, но с любовью — ноздри раздуты, уши прижаты, как у коня, который чует даль. Две струны — мужская из конского хвоста и женская из кобыльего — натянуты так, что звук морин хуура не путаешь ни с чем: он похож на ржание, на ветер в степи, на далёкий плач.

Батбаяр играл сидя, зажав корпус между коленями. Аильские дети садились вокруг, и Сарнай начинала петь.

Она пела уртын дуу — протяжную песню. Голос её, старый и низкий, тянул один слог так долго, что казалось, будто он не кончится никогда. Песня была о коне — всегда о коне.

О коне, который скакал через степь и не находил дороги домой. Или о коне, который нёс всадника через зиму и падал, а всадник шёл дальше пешком и пел.

Иногда Бароно просил: «Сарнай, спой про белую кобылицу». И она пела — про кобылицу, которая принесла первого жеребёнка в первый снег, и жеребёнок был белый, как молоко, и все сказали, что это добрый знак. Наран засыпал на коленях у Дэлбээ, а Бароно слушал, и глаза его были открыты, и в них отражался огонь.

Иногда, когда Батбаяр не играл на морин хууре, он пел — но не протяжную, а короткую песню, богино дуу, весёлую, с припевом, и Зориг подпрыгивал и пытался подпевать, путая слова. Тогда все смеялись, даже Дед.

Праздники

Два раза в год аил менялся.

Первый — Цаган Сар, Белый месяц. Новый год по лунному календарю, когда зима отступала и степь начинала дышать теплом. К нему готовились заранее: чистили юрты, выбрасывали старое, резали скот про запас — в дни праздника резать нельзя. Женщины лепили буузы — паровые пельмени, похожие на маленькие юрты, — и стряпали борцоки, жаренные в жире лепёшки, которые были главным подарком: шли в гости и несли связку борцоков, как несут хлеб.

В первый день Цаган Сара вставали до рассвета — раньше солнца, потому что считалось: богиня Палдэн Лхамо обходит дома и считает, кто проснулся, а кто проспал свою уда-

чу. Оюуна будила детей затемно, и Альтангэрэл, заспанная и недовольная, шла к очагу, где Сарнай уже наливала чай с молоком — белый, как праздник. Дед садился у двери и кропил первую чашку чая вокруг — в подношение предкам и Белому старцу, Сагаан Убугуну, покровителю долголетия и скота. Потом шли к Деду — сначала дети, потом взрослые, и каждый кланялся и говорил: «Благополучно ли вышли из зимовки вы и ваш скот?» И Дед отвечал: «Благополучно». Это был не вопрос и не ответ — это был ритуал, без которого год не начинался.

Второй — Наадам. Летний праздник трёх мужских игр: борьбы, стрельбы из лука и конных скачек. Наадам — это когда аил снимался с места и ехал на общее торжество, где собирались пять-шесть кочевий. Боролись все: от стариков до мальчишек, и Зориг, которому было восемь, уже считал себя борцом, хотя не мог бросить даже Наран, который весил вдвое меньше. Стрельба из лука — мужчины и женщины, и Альтангэрэл, хотя ей было всего тринадцать, уже стреляла, и Батбаяр учил её держать тетиву так, чтобы рука не дрожала. Скачки — это были самые большие впечатления: дети от пяти до тринадцати лет скакали на лошадях по пятнадцати-двадцати километров, без седла, по открытой степи, и ветер бил в лицо, и лошади неслись, и весь аил кричал «Уухай!».

Бароно и Альтангэрэл

Они были соседями с рождения. Юрты стояли в тридцати

шагах друг от друга — это в степи считается «совсем рядом».

Бароно не помнил, когда они подружились — наверное, это случилось до памяти, когда оба ещё ползали по траве между юртами. К двенадцати и тринадцати годам они были уже не просто друзья — они были пара, как двумя пальцами держат тетиву. Не по-взрослому, не по-свадьбе — а по-детски, по-степному: вместе гоняли коней к водопою, вместе сидели на берегу и смотрели, как Селенга течёт.

Альтангэрэл была дерзкая. Она первая ныряла в реку, когда вода была ещё ледяная, и выныривала, фыркающая и смеясь. Она же придумала игру: кто быстрее добежит до вон того камня на берегу — она или Бароно. Она почти всегда выигрывала. Почти — потому, что однажды Бароно понял, что нельзя бежать по прямой, что нужно бежать по дуге, ближе к воде, где песок твёрже и нога не проваливается. Он прибежал первым, и Альтангэрэл остановилась, уставилась на него, а потом сказала: «Ты что, деду дорогу подсказал?»

— Нет, — сказал Бароно. — Я смотрел, где песок плотный.

— Ты всегда смотришь, — сказала она. — Ты смотришь больше, чем бегаешь.

Это было правда. Бароно смотрел. Он замечал, как вода в реке делает петлю у левого берега и отмывает песок, обнажая камни. Он замечал, что ветер меняется к вечеру — не сразу, а постепенно, как будто решает, куда подуть. Он видел, что лошади Батбаяра идут на водопой не по прямой, а по тропе,

которую вытоптали за многие годы, и что тропа эта идёт по краю ложбины, где трава гуще и земля мягче.

— Зачем тебе это? — спрашивала Альтангэрэл.

Бароно не знал. Просто так он видел мир. Другие видели степь — он видел, как степь устроена.

Однажды, когда они сидели на берегу и солнце садилось за горы, Альтангэрэл сказала:

— Мой отец говорит, что казаки опять приходили к острогу. Ближе, чем прошлой осенью.

Бароно молчал.

— Он говорит, что зима будет плохая, — продолжила Альтангэрэл. — Что казаки приходят зимой, когда голодно.

— Твой отец много говорит, — сказал Бароно.

— А твой молчит. Но ты же не твой отец.

Бароно посмотрел на реку. Селенга текла, и в ней отражалось небо — розовое, с длинными облаками.

— Я не боюсь казаков, — сказал он.

— Я тоже не боюсь, — сказала Альтангэрэл.

И они оба знали, что это неправда. Но в степи, когда тебе двенадцать и тринадцать, неправда звучит как правда, если сказать её ровным голосом и не отвести глаз.

Про дальние земли

Имэгэн возвращался с юга каждый раз с одним и тем же: чай, шёлк, железо — и новости. Но новости он рассказывал не сразу. Сначала ужин, потом чай, потом, когда дети утихомиривались и огонь в очаге горел ровно, он начинал гово-

рить — негромко, без хвастовства, словно просто перечислял то, что видел.

Бароно садился рядом и слушал.

— На юге, — говорил Имэгэн, — есть город. Китайцы зовут его Калган. Стены такие высокие, что с лошади не достать стрелой. Внутри — дома из камня, а на улицах — люди, люди, люди, больше, чем травинок на нашем пастбище. И все чего-то несут, чего-то продают. Чай — листьями, кирпичами, в мешках. Шёлк — такой, что если подуть, он летит, как паутина.

Наран засыпал на этих словах. Альтангэрэл, которая прибегала послушать из соседней юрты, спрашивала:

— А лошади там есть?

— Есть, — отвечал Имэгэн. — Но другие. Маленькие, лохматые. Не для скачек, а для телег. Телеги там огромные, на двух колёсах, и запрягают в них мулов.

— А казаки? — спрашивал Батбаяр, и голос его делался другим — не любопытным, а настороженным.

Имэгэн замолкал. Про казаков он говорил отдельно.

— Селенгинский острог стоит там, где Селенга поворачивает на север. За ним — Удинский острог. Между ними — день пути. Казаков мало — может, полтораста, может, двести. Но у них есть пушки и пищали. Пищаль бьёт дальше, чем наш лук. Пушка — вообще не сравнивать.

— Они приходят к нам? — спрашивал Батбаяр.

— Приходят, — говорил Имэгэн. — Зимой, когда голод-

но. Угоняют коней. Людей берут.

Он не говорил «бояться». Он просто говорил, как есть. Но в очаге трещали поленья, и треск этот казался громче, чем обычно.

Дед Отгонбаатар слушал, потом говорил одно:

— Кочевать надо дальше.

И все понимали: не завтра, но скоро. Дед думал о кочевьях так, как другие думают о погоде — не торопил, но чувствовал, когда пора. Он знал, что аил стоит слишком близко к Селенге, слишком близко к дороге, по которой казаки ездят к границе и обратно. На юг — подальше от острога, ближе к Хан-Хэхэю, к горам, где казаки не суются — там и нужно зимовать.

— Весной снимемся, — говорил Дед. — Когда телята окрепнут.

Но до весны было далеко.

Батбаяр ворчал: там, на юге, пастбища хуже, трава жёстче, ветер сильнее. Но с Дедом не спорили — спорить с горой бесполезно. Меньше травы лучше, чем меньше коней. А коней можно потерять не только от бескормицы, но и от казацкого пищеаля.

Бароно слушал и запоминал. Не слова — а расстояния. Селенгинский острог — два дня пути на север. Удинский — три. Маньчжурская граница — пять дней на юг. Между ними — аил, четыре юрты, тридцать восемь лошадей и одна река, которая течёт, не зная, что делит мир пополам.

День, когда пропал Баян

Это случилось ранней осенью, когда трава уже начала желтеть, а ночи стали холоднее.

Верблюд Баян — единственный в аиле производитель, огромный, бурый, с двумя горбами, которые в добрые дни стояли высоко и упруго, а в плохие — опадали, как сдувшиеся мехи, — Баян исчез.

Утром Ганболд, который должен был вывести верблюда на водопой, пришёл один.

— Баяна нет, — сказал он. Просто сказал, без паники, но все поняли: это беда. Верблюд — не лошадь. Лошадь найдётся — придёт на воду, прибежит к табуну. Верблюд уходит тихо, не торопясь, и может уйти далеко, потому, что сил у него хватит на десять дней без воды и еды. А в десять дней он уйдёт так далеко, что не найдёшь.

Дед сказал:

— Искать. Бароно и Ганболд — на конях. Батбаяр — на запад, к горам. Имэгэн — на восток, вдоль Селенги.

Бароно сел на коня — гнедого мерина по кличке Хара, спокойного и выносливого, единственного, на котором ему разрешали ездить одному. Ганболд — на своём, гнедом тоже, но горячем, норовистом. Они поехали на юг, потому что верблюды уходят на юг — туда, где теплее и где растёт саксаул, который верблюды любят больше, чем степную траву.

Они ехали весь день. Степь лежала вокруг — ровная, желтоватая, с островками ковыля и редкими кустами таволги.

К полудню ветер усилился, и Бароно заметил, что Хара стал чаще поднимать голову — нервно, не по-обычному.

— Волки, — сказал Ганболд, не оборачиваясь.

Бароно посмотрел туда, куда смотрел конь. Ничего. Степь и степь. Но Ганболд был пастух, он чувствовал волков раньше, чем видел.

И точно: через полчаса, когда они перевалили через невысокий увал, Бароно увидел их. Серая стая — семь или восемь зверей — стояла полукругом у высохшего русла ручья. Волки не двигались. Стояли и смотрели — на коней, на людей, не моргая. Два крупных — впереди, мелкие — сзади. Волки не нападают на всадников — конь слишком быстр, а человек слишком опасен. Но конь без всадника — другое дело. И кобыла с жеребёнком — другое дело.

— Не трогай их, — сказал Ганболд. — Они не за нами. Они за Баяном.

Бароно понял: верблюд, если ослаб или заболел, — добыча. Волки знали, что верблюд ушёл. Чували его след. И ждали.

Ганболд снял с пояса палку — не лук, а простой пастуший кнутик, сплетённый из ремней — и щёлкнул им в воздухе. Раз, другой. Звук был резкий, как удар бича. Волки не сдвинулись. Ганболд щёлкнул ещё раз и крикнул — коротко, резко, как лают собаки на чужого. Передний волк — крупный, с тёмной полосой по хребту — повернул голову, постоял ещё секунду и ушёл. За ним — остальные, не торопясь, без страха, просто решив, что сегодня не стоит.

— Уходят, — сказал Ганболд. — Но недалеко. Будут идти за нами, пока не найдут другое.

Бароно смотрел им вслед и чувствовал странное: не страх — а уважение. Волки были не враги. Они были — как голодная степь: брали, что могли, и не брали лишнего. Это казалось честным.

К вечеру они нашли Баяна. Верблюд стоял в ложбине, где ещё зеленела трава, и ел — спокойно, неторопливо, как будто никуда не уходил. Ганболд подошёл, взял его за повод, и Баян пошёл за ним без сопротивления, только фыркнул раз — обиженно, словно его оторвали от ужина.

Когда вернулись в аил, уже темнело. Дэлбээ вынесла чай. Оюуна осмотрела верблюда — потрогала горбы, заглянула в глаза, пощупала ноги.

— Здоров, — сказала она. — Просто ушёл. Верблюды так делают — уходят туда, где лучше трава. У них нет «дома». Дом — там, где еда.

Наран, который весь день просидел у юрты, боясь, что Баян пропал навсегда, подбежал и обнял верблюда за ногу. Баян посмотрел вниз, на этого маленького человека, который едва доставал ему до колена, и терпеливо постоял. Потом потянулся и лизнул Нарану макушку — шершавым, грубым языком. Наран захохотал, и все засмеялись, даже Дед, который сидел у своей юрты и молча смотрел на возвращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.